

На правах рукописи

Соколов Тимур Викторович

**ФОРМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ
КОНСТИТУЦИОННОГО И УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВ
В КОНТЕКСТЕ ДОКТРИНЫ СУДЕБНОГО ПРАВА**

12.00.02 — конституционное право;
конституционный
судебный процесс;
муниципальное право

12.00.09 — уголовный процесс

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Санкт-Петербург
2014

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Научные руководители:

Кравец Игорь Александрович
доктор юридических наук, профессор

Калиновский Константин Борисович
кандидат юридических наук, доцент

Официальные оппоненты:

Морщакова Тамара Георгиевна
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РСФСР, Заслуженный
деятель науки Российской Федерации,
заведующая кафедрой судебной власти
и организации правосудия ФГАОУ ВПО
«Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

Воскобитова Лидия Алексеевна
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовно-процессуа-
льного права ФГБОУ ВПО «Московский
государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

Ведущая организация:

**Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт государства
и права Российской академии наук**

Защита состоится **1 октября 2014 года в 16 часов 15 минут** на заседании Диссертационного совета Д 212.232.63 при ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» по адресу: 199026, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 22-я линия, д. 7, зал заседаний (ауд. 64).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени А.М. Горького ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9) и на сайте по адресу www.spbu.ru/disser2/disser/Sokolov.Dissert.pdf.

Автореферат разослан _____ 2014 года.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 212.232.63
доктор юридических наук, доцент

Н.П. Кириллова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В настоящее время в российском государстве объективно существует общественный запрос на реализацию требований Конституции Российской Федерации¹ во всех сферах общественно-государственной жизни, будь то в законотворчестве, в публичном управлении или же в сфере правосудия. Социальная ценность Конституции состоит в том, что она сосредоточивает в себе правовые начала, составляющие базу для достижения и обеспечения общественного согласия, потребность в котором является объективной.²

Реализация конституционных предписаний в общественно-государственной практике — сложноорганизованный, разноуровневый и многогранный процесс, требующий участия в нем практически всех заинтересованных лиц, включая органы государственной власти, государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, юридических и физических лиц. Ведущую роль в процессах конституционализации российской правовой системы играют суды, которые как раз и способны обеспечивать режим конституционности в правоприменительной практике. Так, Конституционный Суд Российской Федерации³ является не только хранителем, но и генератором конституционных идей в обществе, а его решения раскрывают букву и дух конституционного текста, формируют механизмы реализации конституционных предписаний в отраслевом законодательстве. Перед другими судами — общей и арбитражной юрисдикции — также стоит задача обеспечения конституционности правоприменения, однако решается она иным образом: в своей деятельности эти суды обязаны применять лишь тот закон, который отвечает конституционным требованиям и ценностям.

Между тем, признать «общественный запрос на конституционность» удовлетворенным все же нельзя. Практика конституционного правосудия ежегодно «высвечивает» конституционные дефекты отраслевого законодательства, в т.ч. законодательства о правосудии (судоустройственное и процессуальное законодательство). Так, в 2009 г. 4 из 20 вынесенных Судом постановлений касались судоустройства, уголовного или гражданского процесса, в 2010 г. — 8 из 22, в 2011 г. — 9 из 30, в 2012 г. — 5 из 34, в 2013 г. — 6 из 30.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года; с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). — 2014. — 11 апреля. — № 0001201404110001. — Далее по тексту, если не оговорено иное, — *Конституция*.

² Подробнее см.: *Зорькин В.Д.* 1) Конституционный вектор России: 20 лет реализации Основного Закона страны // *Российская газета*. — 2013. — № 6236 (19 ноября). — URL: www.rg.ru/2013/11/19/posizia.html; 2) Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации): Выступление на Международной научно-практической конференции «Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы» (Москва, Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 26 ноября 2013 г.). — URL: www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=65.

³ Далее по тексту, если не оговорено иное, — *Конституционный Суд; Суд*.

Особенно остро вопрос конституционности правового регулирования и правоприменительной практики стоит в сфере уголовной юстиции, поскольку последствия дисбаланса частных и публичных интересов в этой сфере в сравнении с другими областями общественной жизни наиболее вредоносны. Обращения по вопросам уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного законодательства ежегодно образуют одну треть от всех поступающих в Конституционный Суд обращений. Так, согласно сведениям Конституционного Суда, в 2001 г. 3996 из 12 296 (32,50%) поступивших в этот Суд обращений касались этой сферы, в 2002 — 3655 из 14 472 (25,26%), в 2003 — 5014 из 15 668 (32,00%), в 2004 — 4654 из 15 561 (29,91%), в 2005 — 4314 из 14 943 (28,87%), в 2006 — 5126 из 14 989 (34,20%), в 2007 — 5838 из 16 612 (35,14%), в 2008 — 3546 из 16 592 (21,37%), в 2009 — 6664 из 20 629 (32,30%), в 2010 — 6493 из 18 214 (35,65%), в 2011 — 6902 из 19 142 (36,05%), в 2012 — 5990 из 18 745 (31,95%), а по итогам 2013 г. это соотношение составило 39,35 % — 5943 из 15 101 обращений. По нашим подсчетам, из данного количества 55–60 % обращений отражают неучет или даже игнорирование правовых позиций Суда судами общей юрисдикции, органами прокуратуры и предварительного расследования в уголовных делах обращавшихся в Суд лиц.¹

В 1995–2013 гг. Конституционный Суд в отношении 200 заявителей принимал решения о необходимости пересмотра судебных решений по их делам. Наше исследование показало, что к настоящему времени пересмотрены дела лишь 94 заявителей (47 %), причем в 8 пересмотренных делах (4 %) приняты судебные решения, расходящиеся с позициями Конституционного Суда; не пересмотренными остаются уголовные дела 106 заявителей (53 %).

Констатируя, что конституционное судопроизводство еще не в полной мере «вжилось» в тело российского правосудия, можем заметить, что эффективная реализация правозащитного ресурса Конституционного Суда в сфере уголовной юстиции при таком положении вещей является проблематичной.

«Рецепт лечения» обозначенных проблем пытается предложить юридическая наука. Однако ведущиеся с начала 90-х гг. XX века дискуссии о природе и назначении конституционных (уставных) судов, о сущности, порядке исполнения и реализации их решений и правовых позиций, а также о прямом действии Конституции и возможности её непосредственного применения судом общей или арбитражной юрисдикции так и не дали однозначных ответов. Одна из причин этого видится в том, что данные вопросы исследуются разобщенно представителями различных отраслей юридических наук: эти вопросы становятся предметом исследования как теории права и науки конституционного права, так и практически каждой из отраслевой юридической науки, в которых

¹ Сопоставление рассмотренных Судом в период с января 2009 г. по декабрь 2013 г. обращений (в том числе жалоб и ходатайств о разъяснении решений Суда), затрагивающих сферу уголовной юстиции, и вынесенных по ним 2928 решений показало, что в 1680 определениях об отказе в принятии обращений к рассмотрению (57,39 %) Суд подтвердил ранее сформулированные им правовые позиции, а также отметил, что проверка соответствия закону и (или) правовой позиции Суда процессуальных действий и решений, имеющих место в делах заявителей, не входит в его компетенцию, что *лишь косвенно*, но свидетельствует о наличии правоприменительной ошибки в деле заявителя, обусловленной неучетом правовой позиции Суда.

эта проблема рассматривается применительно к вопросу об источниках соответствующей отрасли права.

Отсюда представляется необходимым проведение комплексного исследования механизмов судебной защиты прав и свобод посредством различных видов судебного процесса, которое должно учитывать специфику каждого из этих видов. Конституционное и уголовное судопроизводства, будучи механизмами реализации судебной власти в различных сферах правоотношений, реализуют её конституционное назначение (статья 18 Конституции) различными способами: первый вид судебного процесса призван защищать личность от нормативных нарушений её прав и свобод (т.е. от неконституционных нормативных положений), а второй — от нарушений в плоскости конкретных правоотношений (т.е. от фактических нарушений прав и свобод). Следовательно, для обеспечения реальной, эффективной и своевременной судебной защиты одних и тех же прав, свобод и законных и интересов, но нарушаемых различным образом, в процессуальном законодательстве должны быть прямо закреплены механизмы, обеспечивающие согласованное, сбалансированное и гармоничное взаимодействие двух видов судопроизводства в системе судебной защиты прав и свобод.

Таким образом, в условиях усложнения системы и структуры правоотношений, складывающихся в сфере правосудия, требует своего исследования взаимосвязь видов судопроизводства: она реально существует в судебной практике и закреплена в нормах права, однако еще не получила целостного научного осмысления; предоставить же методологическую основу для такого исследования может доктрина судебного права — возрождающаяся ныне универсальная общеправовая теория судебной власти и процессуального права.

Степень разработанности темы. Проблема взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводств еще не становилась предметом самостоятельного монографического исследования.¹ Между тем, научные предпосылки и основы для ее изучения уже сложились. Так, в конституционно-правовой науке решениям Конституционного Суда в сфере уголовной юстиции посвящены кандидатские диссертации Н.В. Селезнева (1999 г.), Е.В. Корнуковой (2003 г.), В.А. Богдановской (2005 г.) и Е.В. Жучковой (2010 г.). Однако эти работы сконцентрированы на содержании правовых позиций Конституционного Суда в сфере уголовного процесса; за их пределами оставались вопросы влияния хода и результатов конституционного судопроизводства на производство по конкретным уголовным делам. Сущности и отдельным институтам конституционного судопроизводства, природе решений и правовых позиций конституционных судов посвящены многочисленные работы юристов конца XX — начала XXI в., однако вопросы взаимосвязи конституционного судопроизводства с иными видами судопроизводства в них практически не затронуты.

В уголовно-процессуальной науке изучены связи уголовно-процессуального права с отраслями материального права; связи же с отраслями процессуального права еще ждут своих исследователей. По отдельности изучены роль и

¹ Этой теме посвящена лишь одна статья. См.: *Муратова Н.Г.* Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства: теоретическая модель // *Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства.* Вып. 2. — Казань: ООО «Офсет-сервис», 2007. — С. 266–275.

место решений и правовых позиций Конституционного Суда в механизме уголовно-процессуального регулирования (Н.В. Батуев, С.М. Даровских, В.Н. Ларионов, А.В. Ножкина, В.В. Сидоров, А.С. Таран и др.), направление судом общей юрисдикции в Конституционный Суд запроса о проверке конституционности закона как одно из оснований приостановления судебного производства (М.С. Егорова, А.В. Кочетова и А.А. Сеньков) и возобновление производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств (В.Е. Баскакова, Н.П. Ведищев, В.А. Давыдов, А.Д. Зумакулов, А.Д. Прошляков, А.А. Собенин, Я.Е. Филев).

Однако в рамках одного комплексного исследования и в контексте взаимосвязи видов судопроизводств данные институты еще не изучались.

Объект диссертационного исследования составляют находящиеся во взаимосвязи конституционно-процессуальные и уголовно-процессуальные правоотношения и их элементы (нормы права, юридические факты, права, обязанности и поведение участников).

Предмет диссертационного исследования образуют взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств, её сущность, система и характеристика отдельных форм.

Цель диссертационного исследования заключается в характеристике современных форм взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводств и определении процессуальной формы этих видов судопроизводства, наиболее эффективной в защите прав и свобод.

Достижению этой цели служит решение следующих **задач**:

1) выявление природы связей между конституционным и уголовным судопроизводствами, круга вопросов, по которым они возникают, а также определение методологии исследования данных связей;

2) характеристика возбуждения конституционного судопроизводства действиями участников уголовного процесса, определение их конституционно- и уголовно-процессуальных последствий;

3) определение характера и последствий влияния решений и правовых позиций Конституционного Суда на нормы уголовно-процессуального права;

4) оценка юридического значения решений Конституционного Суда для судебной практики по уголовным делам, в т.ч. для судов проверочных инстанций.

Методика и методология диссертационного исследования, включая в себя традиционно используемые общенаучные (системный анализ, классификация, абстрагирование, анализ, синтез), частнонаучные (методы статистических и социологических исследований, метод включенного наблюдения) и специально-юридические методы, отличаются от других работ опорой диссертанта на доктрину судебного права — общеправовую теорию судебной власти и процессуального права. Отражая инвариант судопроизводства, эта доктрина показывает всё то общее, что объединяет существующие виды судопроизводства (как отметил Д.В. Даниленко, «общий знаменатель видов судопроизводства») и определяет допустимые пределы морфологических изменений процессуальной формы, обусловленных спецификой применяемого материального права. Использование междисциплинарного подхода, лежащего в основе идеи судебного

права, в отличие от отраслевых наук, позволяет получить более объемную и точную «картину» изучаемой проблемы и избежать тех мировоззренческих, методологических, фактических и иных ошибок, с которыми сталкиваются представители отраслевых наук процессуального цикла. Использование в качестве методологии данного исследования других юридических теорий (теории права, теории конституционного права, теории правоохранительной деятельности, а равно только одной процессуальной науки) не обеспечивает такого масштаба в силу чрезмерного расширения или сужения своего предмета.

Теоретическую основу исследования составили идеи отечественных ученых о судебном праве, — И.В. Михайловского, Н.Н. Розина, В.А. Рязановского, Н.Н. Полянского, М.С. Строговича, В.И. Каминской, Э.М. Мурадяна, Н.В. Витрука, В.М. Жуйкова, В.П. Кашепова, Ю.А. Поповой, О.В. Люкиной, Ю.М. Гайдидей и других сторонников этой идеи. Также диссертант опирался на труды специалистов в области теории судебной власти — Е.Б. Абросимовой, В.А. Анишиной, Л.А. Воскобитовой, С.Л. Дегтярева, С.К. Загайновой, Н.А. Колоколова, В.А. Лазаревой, М.Н. Марченко, И.Б. Михайловской, Т.Г. Морщаковой, И.Л. Петрухина, и др., на труды теоретиков права С.С. Алексеева, Ю.И. Гревцова, В.Н. Карташова, Г. Кельзена, Е.Г. Лукьяновой, А.В. Малько, М.Н. Марченко, А.С. Пиголкина, В.Н. Протасова, Ю.К. Толстого и др. о сущности, источниках, нормах и применении права, о правоотношениях.

В диссертации использованы работы конституционалистов, посвященные отдельным институтам конституционного судопроизводства России и зарубежных стран, — С.А. Белова, Н.С. Бондаря, В.В. Бриксова, Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева, Е.В. Гриценко, Е.В. Герасимовой, Г.А. Жилина, В.Д. Зорькина, С.А. Кажлаева, А.А. Клишаса, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, И.А. Кравца, С.П. Маврина, Т.Г. Морщаковой, С.В. Нарутто, С.Э. Несмеяновой, Г.Х. Нуриева, Ж.И. Овсепян, А.А. Петрова, С.А. Пунтуса, М.С. Саликова, Н.В. Селезнева, В.А. Сивицкого, С.А. Татарина, Т.Я. Хабриевой, О.С. Хохряковой, А.А. Худоешко, Б.С. Эбзеева, Р.С. Ярускина, а также зарубежных авторов А.Р. Брюер-Карьяс (A.R. Brewer-Carias), Г.Г. Арутюняна, Х. Гаджиева, Г. Кельзена, А. Шайо, Р. Уитц, К.Н. Холикова и др.

Автор использовал труды А.И. Александрова, Л.Б. Алексеевой, Н.В. Батуева, В.П. Божьева, О.А. Вагина, Л.А. Воскобитовой, Н.П. Ведищева, Л.В. Головки, К.Ф. Гуценко, В.А. Давыдова, С.М. Даровских, М.С. Егоровой, Н.В. Ильютченко, К.Б. Калиновского, Н.А. Комаровой, А.В. Кочетовой, В.Н. Ларионова, В.З. Лукашевича, И.Б. Михайловской, Н.Г. Муратовой, И.Л. Петрухина, А.Д. Прошлякова, А.А. Сенькова, А.В. Смирнова, М.С. Строговича, А.С. Таран, Т.В. Трубниковой, А.Е. Чечетина, В.С. Шадрина, Ю.К. Якимовича и др., посвященные сущности, возбуждению, приостановлению и возобновлению уголовного судопроизводства, а также источникам уголовно-процессуального права, а также отдельным правовым позициям Конституционного Суда по вопросам уголовной юстиции.

Нормативную основу исследования образуют положения Конституции Российской Федерации, Федерального конституционного закона от 21 июля

1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»,¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ² и ряда иных федеральных законов; постановления и определения Конституционного Суда, а также отдельные постановления Европейского Суда по правам человека и Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Эмпирическую базу исследования составили:

1) принятые в 1995–2014 гг. решения Конституционного Суда, содержащие нормативные правовые позиции по вопросам уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного права (71 постановление и 668 определений);

2) материалы обобщения результатов пересмотра на основании 38 постановлений и 24 определений Конституционного Суда судебных решений по уголовным делам 197 лиц, обращавшихся в Суд в 1995–2013 гг., проведенного автором по материалам, хранящимся в Секретариате Конституционного Суда;

3) результаты изучения по разработанным автором анкетам рассмотренных Конституционным Судом в период с января 2009 г. по декабрь 2013 г. обращений по вопросам уголовной юстиции, по которым Судом принято 19 постановлений и 2928 определений (сплошная выборка);

4) размещенные на официальных сайтах конституционных судов (советов) Азербайджана, Австрии, Андорры, Армении, Италии, Казахстана, Чехии, Франции и ФРГ отдельные решения данных судов по вопросам уголовной юстиции, а также нормативные правовые акты и статистические сведения о деятельности этих органов в период с 2008 г. по первое полугодие 2013 г.;

5) опубликованные материалы Венецианской комиссии Совета Европы, Конференции Европейских конституционных судов, Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии.

Научная новизна диссертационного исследования предопределена его темой, предметом и методологией и заключается в том, что в нем впервые в современной юридической науке на монографическом уровне ставится вопрос о взаимосвязи видов судопроизводства, раскрываемый на примере взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводств. Автором озвучены новые идеи, направленные на процессуальное осмысление конституционного судопроизводства: уточнены его процессуальная (правосудная) природа и его деление на стадии; предложен новый подход к определению сущности и видов решений и правовых позиций Конституционного Суда, а также уточнен порядок их исполнения в судебной практике по уголовным делам. В работе предложен ряд новелл для уголовного процесса: уточнен круг источников уголовно-процессуального права, внесены предложения по совершенствованию институтов приостановления судебного разбирательства, пересмотра судебных решений по уголовным делам и возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств. Также автором выделены предпосылки возрождения в отечественной юридической науке идеи судебного права и предложен ос-

¹ Далее по тексту, если не оговорено иное, — *Закон о Конституционном Суде*.

² Далее по тексту, если не оговорено иное, — *УПК*. Аналогичным образом сокращаются и названия других кодексов Российской Федерации.

нованный на ней новый методологический подход к определению сущности судопроизводства.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Конституционное, гражданское, административное и уголовное судопроизводства объективно отделены друг от друга в силу различий норм материального права, применяемых для разрешения дел по существу, и способов восстановления защищаемых прав, но находятся в отношениях взаимосвязи, т.е. оказывают друг на друга статичное и (или) динамичное непосредственное влияние, обусловленное свойством коммуникативности каждого из этих процессов как открытых сложных социальных систем. Взаимосвязь видов судопроизводства возникает в силу единства судебной власти, назначением которой является обеспечение прав и свобод человека и гражданина (статья 18 Конституции), в случаях, когда для обеспечения или защиты этих прав и свобод конкретного лица судопроизводства одного вида недостаточно. Степень и полнота достижения этой цели есть критерий для оценки качественных характеристик форм взаимосвязи видов судопроизводства.

Специфика взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводств обусловлена, с одной стороны, назначением конституционного судопроизводства, состоящим в защите конституционных прав и свобод от нормативных нарушений, а с другой стороны — предметной областью взаимосвязи, которой является сфера уголовной юстиции. Отсюда все формы взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводств так или иначе связаны с проверкой конституционности уголовно-процессуальных норм.

2. Форма взаимосвязи видов судопроизводства представляет собой внешнее выражение связи между двумя видами судопроизводства по одному вопросу, регулируемому нормами соответствующих двух отраслей процессуального права. Каждая форма состоит из следующих элементов:

- вектор влияния одного процесса на другой;
- основание взаимосвязи;
- последствия (содержание) взаимосвязи;
- сроки, в пределах которых проистекает взаимосвязь.

Критерием дифференциации форм взаимосвязи являются правовые последствия, образующиеся в результате взаимного влияния. На основе данного критерия выделяются иницирующие, приостановительные, нормативно-корректирующая, нормативно-толковательная и ревизионные формы взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводств.

3. **Конституционно-иницирующие формы взаимосвязи** состоят в возбуждении конституционного судопроизводства действиями участников уголовного процесса, т.е. в связи с запросом суда общей юрисдикции о проверке конституционности закона, подлежащего применению в уголовном деле,¹ и в связи с жалобами на нарушение конституционных прав и свобод положениями закона, примененными в конкретном уголовном деле, подаваемыми отдельными

¹ Далее по тексту, если не оговорено иное, — *запрос суда*.

гражданами, объединениями граждан или иными лицами, которым предоставлено право обращения в Суд в порядке конкретного нормоконтроля.¹

Изменение Федеральным конституционным законом от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ критериев допустимости запроса суда и жалобы гражданина теоретически оправдано, поскольку отражает субсидиарный характер конституционного судопроизводства в системе судебной защиты прав и свобод, предназначенного для защиты прав и свобод человека и гражданина от нормативных (а не фактических) нарушений путем обеспечения конституционности нормативного правового регулирования общественных отношений.

В силу такого назначения конституционного судопроизводства в системе действующего правового регулирования в России не может быть реализована модель «*полной конституционной жалобы*» (страны Западной Европы) или же модель *proceso amparo* (страны Латинской Америки), предполагающие проверку конституционности конкретных судебных решений, в т.ч. по уголовным делам. В противном случае грань между видами судопроизводства будет фактически стерта, что противоречит базовым положениям доктрины судебного права о дифференциации видов судопроизводства.

4. **Уголовно-приостановительные формы взаимосвязи** предполагают приостановление уголовного судопроизводства в связи с обращением его участников в Конституционный Суд. Направление судом общей юрисдикции запроса в Конституционный Суд является для него обязанностью, возникающей у него одновременно с убеждением в неконституционности подлежащей применению нормы права; направление запроса суда возможно в любом судебном производстве и в любой судебной стадии уголовного процесса. Такое приостановление, будучи обязательным, представляется не абсолютным: суд, направивший запрос, может производить действия и принимать решения, не связанные с применением оспоренных в запросе норм. Принятие Конституционным Судом к рассмотрению жалобы влечет приостановление лишь кассационного и надзорного производства.

5. **Нормативно-корректирующая форма взаимосвязи** имеет место при проверке Конституционным Судом конституционности уголовно-процессуальных норм, закрепленных в соответствующих источниках права, результатом которой является коррекция Судом этой нормы вследствие обнаружения её конституционного дефекта. Конституционный дефект нормы права есть её полное или частичное противоречие Конституции, в т.ч. по буквальному содержанию, по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, а равно по форме (т.е. по месту содержащего её источника права в иерархии этих источников). Конституционный дефект норм права должен устраняться Конституционным Судом путем признания нормы неконституционной в постановлениях, что влечет их автоматическую дисквалификацию из соответствующей отрасли права; коррекция Судом норм права иным образом не эффективна.

Нормативно-корректирующие решения Конституционного Суда содержат *доктринальные и нормативные правовые позиции Конституционного Суда*;

¹ Далее по тексту, если не оговорено иное, — *жалоба гражданина*.

последние следует признавать самостоятельным источником российского права, подлежащим непосредственному применению; они обладают уникальным набором юридических свойств, качественно отличающих их от иных известных доктрине правовых актов, в т.ч. источников права.

6. **Нормативно-толковательная форма взаимосвязи** отражает иной результат проверки конституционности уголовно-процессуальных норм, которым является уяснение и разъяснение Судом смысла нормы уголовно-процессуального права, не противоречащей Конституции, т.е. официальное толкование данной нормы. Выносимые в рамках данной формы нормативно-толковательные решения Конституционного Суда не являются источниками права, а представляют собой акты официального толкования отраслевых норм права, сила которых ограничена пределами действия истолкованных Конституционным Судом законодательных актов.

7. **Уголовно-ревизионные формы взаимосвязи** состоят в проверке в уголовном процессе на соответствие правовым позициям Конституционного Суда судебных решений по уголовным делам. Нормативно-корректирующие решения Конституционного Суда влекут возобновление ввиду новых обстоятельств производства по уголовным делам лиц, по чьим жалобам Судом приняты эти решения, что образует содержание *уголовно-возобновительной формы взаимосвязи*. Полномочия по такому возобновлению должны принадлежать исключительно Президиуму Верховного Суда, а порядок данного производства требует более детальной регламентации в УПК сообразно предложенной в диссертации концепции данного производства.

Действие нормативных правовых позиций Конституционного Суда в уголовных делах иных лиц, т.е. не являвшихся заявителями в конституционном судопроизводстве, образует ординарную и экстраординарную уголовно-ревизионные формы взаимосвязи. *Ординарная форма* состоит в проверке на соответствие правовым позициям Суда судебных решений по уголовным делам, принятых после появления этих позиций, и уже ныне имеет место в рамках апелляционного, кассационного или надзорного производств.

Экстраординарная форма, отражая реализацию в России модели конституционного контроля *ex tunc*, состоит в проверке на соответствие правовой позиции Конституционного Суда судебного решения, принятого до появления данной правовой позиции. Такая проверка представляется возможной в подавляющем большинстве случаев (за исключением тех, когда пересмотр уголовно-процессуального решения приведет к более худшим последствиям, нежели применение нормы в неконституционном аспекте, на основе специальной оговорки Конституционного Суда в нормативно-корректирующем решении) в порядке возобновления производства ввиду новых обстоятельств (пункт 3 части четвертой статьи 413 УПК), но в упрощенном порядке, разработанном в диссертации.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что в ней заложены основы для научного исследования взаимосвязи видов судопроизводства, в т.ч. определена сущность взаимосвязи видов судопроизводства и предложена классификация форм этой взаимосвязи. Полученные выводы, ка-

сающиеся характеристики форм взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводств, будут пригодны и для характеристики аналогичных форм взаимосвязи с гражданским и административным судопроизводствами.

В порядке *de lege ferenda* диссертантом сделаны предложения о внесении изменений и дополнений в Закон о Конституционном Суде (в статьи 6 и 79) и в УПК (статьи 1, 133, 238, 256 и 259, 389¹⁵, 389¹⁷ и 389¹⁸, 401¹⁵ и 412⁹, а также главу 49). Полученные диссертантом выводы и практические рекомендации будут полезны в образовательном процессе в сфере высшего, послевузовского и дополнительного профессионального юридического образования, а также в практической деятельности различных лиц и органов в сфере правосудия.

Апробация результатов диссертации прошла в ходе ее обсуждения и рецензирования на кафедре конституционного и муниципального права Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, на совместном заседании Кафедры государственного и административного права и Кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ, а также при выполнении автором одноименного исследовательского проекта на средства гранта Российского гуманитарного научного фонда № 12-33-01232. Итоги исследования были представлены соискателем в рамках основного доклада на Всероссийской научно-практической конференции «Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств» (г. Санкт-Петербург, 22 марта 2013 г., Северо-Западный филиал Российской академии правосудия, Российская национальная библиотека и Международная ассоциация содействия правосудию).¹

Результаты исследования отражены в 22 научных публикациях автора, из которых 9 — в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в Перечень ВАК Минобрнауки России, а 2 — в зарубежном научном издании; в выступлениях автора на 6 международных, 5 всероссийских и 1 межрегиональной научно-практических конференциях, состоявшихся в 2009–2013 гг. в г. Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Томск, Екатеринбург и Оренбург.

Полученные автором научные положения внедрены в деятельность Управления конституционных основ уголовной юстиции Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации, в образовательный процесс Северо-Западного филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия» (г. Санкт-Петербург) и ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»; использованы автором при чтении лекций и проведении семинарских занятий по дисциплинам «Уголовный процесс» в ФГОУ ВПО «Сибирская академия государственной службы», «Судебное право», «Теория судебных доказательств» и «Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в сфере уголовной юстиции» в Северо-Западном филиале ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия» (г. Санкт-Петербург).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, объединяющих одиннадцать параграфов, библиографии из 506 наименований на русском языке и 18 источников на иностранных языках, а также 8 приложений.

¹ Подробнее см.: <http://www.iuaj.net/node/1215>.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень разработанности темы, определяются его объект и предмет, ставятся цель и задачи, раскрывается научная новизна работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, показывается теоретическая и практическая значимость диссертации, а также приводятся сведения об апробации её результатов и о её структуре.

В **главе 1 «Теоретико-методологические основы взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводства»** диссертант раскрывает сущность взаимосвязи видов судопроизводства, формулирует её дефиницию, выявляет её признаки, а также определяет алгоритм её научного исследования.

В **параграфе 1.1 «Доктрина судебного права — универсальная методология исследования институтов судебной власти и процессуального права: предпосылки к возрождению и современное понимание»** автор обращается к вопросу формирования методологии, необходимой для научного исследования взаимосвязи видов судопроизводства. Диссертант отвергает в качестве методологии предпринимаемого им исследования ввиду невозможности изучения ими межпроцессуальных явлений теорию конституционного права и теорию правоохранительной деятельности, а также теорию государства и права, критикуя в последней «широкий подход» к определению процессуального в праве («общую теорию юридического процесса»). В качестве методологии своей работы автор избирает идею судебного права, к возрождению которой в современной юридической науке он выделяет доктринальные, нормативные и политические предпосылки и инфраструктурные условия, а также формулирует её исследовательские задачи.

В современных условиях идея судебного права должна быть не просто «теорией правосудия», как это считалось в советское время, а общеправовой, междисциплинарной, универсальной теорией судебной власти и процессуального права и именоваться доктриной судебного права. Соискатель предлагает рассматривать в настоящее время судебное право как правовой комплекс (группу отраслей права, обладающих смежными или аналогичными предметами правового регулирования), объединяющий в себе нормы, регулирующие соответственно судоустройство и конституционное, гражданское, административное и уголовное судопроизводства, а также общие межотраслевые институты этих отраслей права (например, институт судебной юрисдикции, институт межотраслевой преюдиции, институт запроса суда в Конституционный Суд, институт возобновления судопроизводства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств и т.д.). Объектом правового регулирования судебного права является судебная власть России, а предметом — общественные отношения, складывающиеся в сфере организации и реализации судебной власти (соответственно, судоустройственные и процессуальные).

В **параграфе 1.2 «Сущность конституционного и уголовного судопроизводства в контексте доктрины судебного права»** диссертант, предваряя раскрытие сущности взаимосвязи видов судопроизводства, обращается к вопросу

сущности самого судопроизводства, поскольку природа межпроцессуальных связей обусловлена в том числе и сущностью взаимодействующих субъектов. Заостряет данный вопрос отрицание в научной литературе процессуальной природы конституционного судопроизводства (В.П. Кашепов, А.А. Гравина, О.А. Макарова, А.А. Ливеровский, М.В. Петров). Автор исходит из понимания судопроизводства как механизма реализации судебной власти, что прямо вытекает из статьи 118 (часть 2) Конституции. Проанализировав имеющиеся в литературе мнения о структуре механизма реализации судебной власти (С.Л. Дегтярев, Л.А. Воскобитова, С.К. Загайнова), автор солидаризуется с мнением Л.А. Воскобитовой о том, что данный механизм включает в себя следующие этапы: доступ к правосудию (обращение за судебной защитой), познание судом юридически значимых обстоятельств дела и принятие решения, контроль правосудности судебного решения. Проецируя данные этапы на конституционное и уголовное судопроизводства, автор приходит к выводу об однородности данных явлений: оба вида процесса являются механизмами реализации судебной власти в различных сферах общественных отношений, регламентируемых соответствующим материальным правом. Кроме того, деятельность Конституционного Суда по формальным характеристикам отвечает и критериям суда в контексте статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Кроме того, автор формирует универсальный (применимый во всех процессуальных науках) методологический подход к определению сущности судопроизводства (процесса) любого вида, поскольку имеющиеся в литературе определения сущности являются скорее дефинициями процесса, нежели действительным раскрытием его сущности в её философском понимании. Раскрытие сущности конкретного вида судопроизводства должно происходить через определение его природы, назначения, цели и задач, которые позволяют выявить общие и специфические черты каждого из видов процесса. По своей природе судопроизводство является сложным правоотношением, состоящим из ряда элементарных; содержанием данного правоотношения являются действия его участников, а формой — их права и обязанности. Цель процесса состоит в достижении судебной истины, отражающей как верно установленные юридически значимые обстоятельства, так и их верную юридическую квалификацию; наряду с целью процесс имеет профилактическую (превентивную) и воспитательную (культурную) задачи.

Судопроизводства различаются своим назначением, выводимым как из природы судебной власти, так и из целей соответствующего материального права. Назначение конституционного судопроизводства диссертант видит в защите Конституционным Судом прав и свобод человека и гражданина от нормативных нарушений (а не фактических) путем обеспечения конституционности нормативного правового регулирования общественных отношений; назначение уголовного процесса — в защите личности от преступных посягательств и в справедливом наказании лиц, виновных в совершении преступлений, и в устранении последствий преступления (в тех случаях, когда это возможно).

В параграфе 1.3 «Сущность взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводства» для раскрытия сущности взаимосвязи видов судопро-

изводства автор прибегает к методологии системного анализа, поскольку формально-догматических характеристик процесса для определения сущности исследуемого явления недостаточно. Рассматривая процесс через призму системного подхода, автор заключает, что судопроизводство есть сложная социальная процессуальная (в философском смысле) система, неотъемлемым свойством которой является коммуникативность — способность к взаимодействию с различными элементами во внешней среде.

Судопроизводства вовне взаимодействуют с различными правовыми (нормы права, правоотношения, акты реализации права, акты толкования права и проч.) и неюридическими (мораль, экономические демографические и прочие процессы) явлениями. Сравнивая характер этих связей, автор отмечает, что взаимосвязь материального права и процесса строится большей частью по поводу существа дела, а межпроцессуальные связи лежат в плоскости реализации судебной власти и направлены на обеспечение надлежащего функционирования судебной власти и достижение ею своего назначения — обеспечение и защиту прав, свобод и законных интересов человека, общества и государства. Единство и полнота судебной власти составляют *основание* взаимосвязи, поскольку именно природа судебной власти обуславливает предметную область, в которой разворачивается взаимосвязь, а также определяет преследуемые введением смежных институтов процессуального права цели. Невозможность же обеспечения и защиты (восстановления) прав, свобод и законных интересов конкретного лица посредством лишь одного вида судопроизводства, диктующая необходимость использования двух и более видов судопроизводства, образует *условие возникновения* взаимосвязи видов судопроизводства.

Также автором выделены и охарактеризованы предпосылки взаимосвязи. *Материально-правовые предпосылки* определяют круг вопросов, по которым возникает взаимосвязь, и вытекают из связи между собой норм материального права, применяемого в каждом из судопроизводств. Так, уголовный, гражданский и административный процессы подвержены влиянию конституционного судопроизводства в силу статьи 125 Конституции, предоставившей Конституционному Суду полномочия по конституционному контролю во всех сферах нормативного правового регулирования с возможностью дисквалификации Судом соответствующих правовых норм. *Процессуально-информационные предпосылки* отражают момент (часть) процесса, в который возникает взаимосвязь, и состоят в том, что информация, полученная в одном виде судопроизводства, важна для судопроизводства другого вида и переносится в него в соответствующей форме (например, как повод для возбуждения процесса иного вида (статьи 96, 97 и 101 Закона о Конституционном Суде), а равно как повод для его возобновления (пункт 1 части третьей статьи 413 УПК).

Автором также выделены такие *признаки* взаимосвязи видов судопроизводства, как: существование между двумя различными видами судопроизводства, обоюдность (взаимность), непосредственность, наличие статических и динамических связей между процессами. Используя данные признаки, автор формулирует определение взаимосвязи видов судопроизводства, вынесенное на защиту.

В параграфе 1.4 «Понятие и виды форм взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводства» автор формирует универсальный инструментарий для исследования различных процессуальных институтов, описываемых им как проявления взаимосвязи видов судопроизводства. В качестве инструмента для исследования конкретных смежных институтов конституционного и уголовного судопроизводства автор вводит в оборот понятие «форма взаимосвязи видов судопроизводства» и формулирует его определение.

Каждая форма взаимосвязи состоит из элементов, по которым происходит их содержательная характеристика; к таким элементам относятся вектор влияния, основание и последствия (содержание) взаимосвязи и сроки, в течение которых существует взаимосвязь. *Вектор влияния* показывает, какой вид процесса влияет на другой вид процесса, и отражает зависимость последствий взаимосвязи от ее основания. *Основанием взаимосвязи* служат нормы права, судебные решения или юридические факты, принадлежащие одной отрасли права (отрасль-«донор»), побуждающие межпроцессуальную связь. *Последствием взаимосвязи* всегда является процессуальная деятельность, регламентируемая другой отраслью процессуального права (отрасль-«акцептор»). Последствия взаимосвязи в сравнении с основанием всегда более объемны, в силу чего иногда данный элемент формы взаимосвязи уместнее именовать ее *содержанием*. *Сроки* отражают период, в пределах которого проистекает взаимосвязь, и исчисляются с момента возникновения основания взаимосвязи до момента завершения процессуальной деятельности, составляющей последствия взаимосвязи.

Диссертантом также предложена классификация форм взаимосвязи видов судопроизводства, в ее основу в качестве критерия для деления положены правовые последствия, к которым приводит взаимосвязь. На основе данного критерия выделяются иницирующие, приостановительные, нормативно-толковательная, нормативно-корректирующая и ревизионные формы взаимосвязи видов судопроизводства. Также автором определены формы взаимосвязи, существующие ныне (*современные*), а также формы, способные появиться в перспективе развития российской правовой системы (*перспективные*).

Глава 2 «Возбуждение конституционного судопроизводства в связи с обращениями участников уголовного процесса: конституционно-иницирующие и уголовно-приостановительные формы взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводства» состоит из двух параграфов.

В параграфе 2.1 «Обращения суда и иных участников уголовного процесса как повод для возбуждения конституционного судопроизводства: конституционно-иницирующие формы взаимосвязи» изучены запрос суда и жалоба гражданина как поводы для возбуждения конституционного судопроизводства, в т.ч. характер полномочия по внесению данных обращений в Суд, круг субъектов данного полномочия, а также критерии допустимости этих обращений, связанных с уголовным процессом.

Определяя *основание* конституционно-иницирующей формы, автор анализирует характер обращения в суд (право или обязанность), для чего обращается к дискуссии о прямом действии Конституции, рассматривает её аргументы и в результате присоединяется к точке зрения о том, что обращение с за-

просом для суда общей юрисдикции является обязанностью, а не правом; по его мнению, обязательный характер обращения с запросом обусловлен необходимостью единообразного толкования и применения Конституции и требованием процессуальной экономии: при ином подходе остается опасность того, что разные судьи разных судов в разных регионах могут толковать по-разному одни и те же положения Конституции, отказываясь от применения закона, что угрожает единству судебной практики, а потому целесообразнее один раз приостановить производство по одному или нескольким уголовным делам и скорректировать дефектную норму права. Обязанность суда общей юрисдикции обратиться с запросом в Конституционный Суд возникает у него одновременно с формированием убеждения в неконституционности нормы права. Подача же гражданском жалобы всегда есть реализация права данного лица. Таким образом, основанием данной формы взаимосвязи являются предусмотренные статьей 125 (часть 4) Конституции обязанность судов и право граждан обращаться в Суд.

Диссертант анализирует критерии допустимости запроса суда и жалобы гражданина, связанные с уголовным процессом, и открывшуюся в связи с Федеральным конституционным законом от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ дискуссию по поводу оправданности изменения этих критериев. Изменение критериев допустимости данных видов обращений в Суд, на взгляд диссертанта, является теоретически оправданным, поскольку отражает субсидиарный характер конституционного судопроизводства в системе судебной защиты прав и свобод, предопределенного назначением этого вида судопроизводства. Также изменение закона отражает сложившуюся конституционно-судебную практику, по которой оспариваемая норма должна получить какое-либо истолкование в обычной судебной практике; в противном случае — когда норма не истолкована и еще не применена судом — такой контроль чреват *de facto* вмешательством Суда в производство по конкретному делу, что несовместимо с конституционным принципом независимости суда — одним из принципов судебного права.

Новеллы закона не создают проблем и для судов контрольных инстанций, которые, по мнению Т.Г. Морщаковой, лишаются такой возможности, поскольку норма права формально уже применена. Диссертант полагает, что эти суды, проверяя законность предшествующего производства по делу, фактически применяют эти нормы вновь, подтверждая или опровергая законность предшествующих решений (действий) по делу.

Проецируя критерии допустимости жалобы гражданина на уголовный процесс, автор вносит предложение о возложении на суд (судью) обязанности указывать в протоколе судебного заседания нормы процессуального права, на основе которых он принимает определение (постановление) без удаления в совещательную комнату (статья 256 УПК); в противном случае при фактическом применении нормы будет невозможно установить факт ее применения в рамках конституционного судопроизводства.

Здесь же диссертант обращается к дискуссии о расширении круга правовых актов, обжалование которых возможно в порядке конституционного судопроизводства, и анализирует возможность оспаривания в порядке конституционного судопроизводства конкретных судебных решений, в т.ч. по уголовным

делам. Автор исследует институты зарубежных государств, так или иначе предполагающие возможность непосредственной корректировки конституционным судом судебных решений по конкретным делам, в т.ч. «полную модель конституционной жалобы на индивидуальные акты» (Австрия, Азербайджан, Испания, Лихтенштейн, Словакия, Словения, ФРГ, Хорватия, Чехия, Корея) и *proceso amparo* (страны Латинской Америки), и в результате отвергает возможность реализации в России какого-либо из них. В условиях действующего правового регулирования в российской правовой системе четко закреплена модель «нормативной конституционной жалобы». Реализация идеи включения в предмет обжалования судебных решений, по мнению автора, не только привела бы к изменению Конституции и ряду сложных организационных проблем, но и фактически стерла бы границу между видами судопроизводства, что не является оправданным и целесообразным с позиций доктрины судебного права, отстаивающей дифференциацию судопроизводств, признанную на конституционном уровне как одно из базовых (аксиоматичных) положений этой доктрины.

Последствия (содержание) в данной форме взаимосвязи составляет процессуальная деятельность в Конституционном Суде. Определяя границы данной деятельности (и, соответственно, сроки взаимосвязи), автор обращается к вопросу деления конституционного судопроизводства на стадии. Автор анализирует позиции Н.В. Витрука и Г.А. Жилина и других ученых, считающих такие процессуальные действия, как внесение обращений в Суд, их предварительное рассмотрение Секретариатом и судьями Конституционного Суда, а также принятие (отказ в приятии) обращения к рассмотрению, самостоятельными стадиями процесса — конституционного судебного процесса. Автор же, проецируя универсальные критерии деления процесса на стадии, выработанные в других процессуальных науках, полагает, что указанные действия в совокупности составляют первую стадию конституционного судопроизводства, именуемую им *стадией возбуждения конституционного дела*. Данная стадия длится с момента поступления в Суд обращения до момента вынесения Судом решения о принятии (об отказе в принятии) этого обращения к рассмотрению; в этих же пределах длится и взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств в исследуемой форме.

В параграфе 2.2 «Приостановление производства по уголовному делу в связи с обращениями его участников в Конституционный Суд Российской Федерации: уголовно-приостановительная форма взаимосвязи» изучены уголовно-процессуальные последствия обращения участников уголовного процесса в Конституционный Суд.

Основания и сроки данной формы взаимосвязи различаются тем обращением, которое направлено в Конституционный Суд. Запрос суда влечет приостановление уголовного судопроизводства с момента его направления; жалоба же гражданина влечет приостановление уголовного процесса с момента ее принятия к рассмотрению.

Последствие в данной форме взаимосвязи состоит в приостановлении судебного производства по делу до момента рассмотрения (в широком смысле) Судом поступившего обращения. Жалоба гражданина способна влечь приостановление

новление лишь кассационного и надзорного производств. Приостановление иных судебных производств, предшествующих вступлению в законную силу судебных решений, представляется невозможным, поскольку такая жалоба не может быть принята Конституционным Судом к рассмотрению, как не отвечающая критерию допустимости обращений в Суд.

Поскольку обращение с запросом является для суда обязанностью, направление запроса суда — вопреки мнению А.А. Аношиной, М.С. Егоровой, Е.А. Ивановой и А.А. Сенькова — является обязательным, а не факультативным основанием приостановления уголовного судопроизводства. Приостановление по данному основанию возможно вне зависимости от стадии, на которой оно находится, поскольку суд должен воздержаться от применения норм, которые им же и оспорены.

Анализ конституционно-судебного законодательства зарубежных государств, знающих институт запроса суда, показывает, что по аналогичному пути идет большинство европейских стран. По другому пути идут лишь законодательства Австрии (часть 2 статьи 63 Закона о Конституционном Суде)¹ и Андорры (часть 2 статьи 55 Закона о Конституционном трибунале),² исходящие из возможности совершения ряда процессуальных действий после направления запроса. Полагая возможным перенять этот законодательный опыт, диссертант считает, что приостановление процесса, будучи обязательным, может быть неабсолютным: после направления запроса суды различных инстанций могут принимать лишь те процессуальные решения, которые не связаны с разрешением дела по существу, воздерживаясь при этом от применения норм права, конституционность которых оспорена в запросе (например, разрешать промежуточные вопросы — о применении мер принуждения, обеспечения и др., исследовать доказательства по другим эпизодам обвинения).

Поскольку приостановление производства в рамках данной формы взаимосвязи увеличивает общую продолжительность производства по уголовному делу, диссертант обращается к вопросу влияния этих сроков на разумность срока уголовного судопроизводства применительно к вопросу о присуждении соответствующей компенсации. Анализируя практику Европейского Суда по правам человека, автор выводит из нее критерий для решения вопроса о разумности срока уголовного судопроизводства, по которому период, на который было приостановлено производство по уголовному делу, должен исключаться из общей продолжительности срока судопроизводства, если инициатива на обращение в Суд исходила от сторон; если инициатором запроса был сам суд — такое исключение недопустимо.

В главе 3 «Проверка конституционности уголовно-процессуальных норм в порядке конституционного судопроизводства: нормативно-корректирующая и нормативно-толковательная формы взаимосвязи» предметом

¹ Constitutional Court Act 1953 (Verfassungsgerichtshofgesetz). — URL: vfgg.gv.at/cms/vfgh-site/english/downloads/englishvfgg.pdf.

² Andorra «Qualified Law» on the Constitutional Court (Loi Qualifíee du Tribunal Constitutionnel). — URL: www.tribunalconstitucional.ad/docs/legislacio/en/lqtc.pdf.

исследования автора стали вопросы влияния решений Конституционного Суда на нормативную регламентацию уголовного процесса.

В параграфе 3.1 «Объект, предмет, способы и результаты проверки Конституционным Судом Российской Федерации конституционности уголовно-процессуальных норм: общие элементы нормативно-корректирующей и нормативно-толковательной форм взаимосвязи» диссертант анализирует общие вопросы нормоконтроля в деятельности Конституционного Суда. *Основанием* нормативно-толковательной и нормативно-корректирующей форм взаимосвязи является предусмотренное статьей 125 (часть 4) Конституции полномочие Конституционного Суда проверять конституционность отраслевого законодательства.

Содержание (последствие) данной формы взаимосвязи состоит в проверке конституционности отраслевых законоположений, характеризуемой диссертантом через объект, предмет и результат этой проверки. Автор на основе философских положений разграничивает объект и предмет проверки, понимая под первым «то, на что мы смотрим», а под вторым — «то, что мы при этом видим». Несмотря на то, что законодатель назвал объектом проверки Конституционного Суда закон (в формально-юридическом смысле) и не вступивший в законную силу международный договор, диссертант, опираясь на идею различения права и закона, полагает, что объектом этой проверки являются нормы права, а не те источники, в которых они закреплены. Такой вывод подтверждает и сложившаяся практика: Суд справедливо добавляет в круг проверяемых им источников права постановления Государственной Думы об объявлении амнистии, подзаконные акты, принятые по прямому указанию и во исполнение закона и находящиеся с ним в нормативном единстве (Указы Президента РФ и постановления Правительства РФ), а также комментирует утратившие силу положения закона (например, УК или УПК РСФСР), аналоги которых имеются в действующем законодательстве.

Также диссертант обращается к вопросу расширения предмета обжалования в конституционном судопроизводстве, поставленному Т.Г. Морщаковой, С.А. Авакьяном, С.А. Татариновым, Е.В. Герасимовой, предложившими считать непосредственным объектом проверки Конституционного Суда постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.¹ Анализируя возможность проверки конституционности содержащихся в данных актах положений, в т.ч. тех, которые предусматривают процессуальные действия и решения судов, не указанные в процессуальном законе и не выводимые из него путем толкования, но *de facto* применяемые как положения закона, автор полагает, что действующее правовое регулирование (статья 74 Закона о Конституционном Суде) и сегодня позволяет Суду реагировать на неконституционные положения постановлений Пленума Верховного Суда, оценивая их как смысл оспариваемых нормативных положений, придаваемый им правоприменительной практикой.² Кроме того, интерес заявителей к этим актам сравнительно невысок: в

¹ Далее по тексту, если не оговорено иное, — *Верховный Суд*.

² В случае признания неконституционным положения закона толкующее его постановление Пленума Верховного Суда, как показывает практика, подлежит корректировке. Так, в связи с Поста-

2008–2013 гг. из 2239 обращений по вопросам уголовной юстиции, рассмотренных Судом, только 45 жалоб, т.е. 2 %, содержали требования о проверке конституционности этих актов.

Предметом проверки Конституционного Суда, по мнению диссертанта, является конституционность нормы, т.е. ее свойство, отражающее соответствие этой нормы Конституции. Несоответствие же нормы Конституции диссертант предлагает именовать конституционным дефектом нормы, который влечет её дисквалификацию в действующем нормативном правовом регулировании. Автор раскрывает понятие конституционного дефекта и выделяет основные виды конституционных дефектов.

Способами проверки конституционности норм права являются предусмотренные статьей 86 Закона о Конституционном Суде приемы, используемые Судом для выявления конституционных дефектов.

Результатами проверки конституционности норм права являются решения Суда, правовая природа (юридическое значение) которых должна определяться исходя из наличия или отсутствия в них выводов о норме права и характера таких выводов. По данному основанию автор предлагает делить решения Конституционного Суда на правоприменительные, нормативно-толковательные и нормативно-корректирующие, свойствам которых посвящены следующие параграфы данной главы.

В параграфе 3.2 «Толкование Конституционным Судом Российской Федерации уголовно-процессуальных норм: нормативно-толковательная форма взаимосвязи» определено место толкования в деятельности Суда и проанализирована правовая природа нормативно-толковательных решений Конституционного Суда. Толкование норм права, выступая в «традиционных» видах судопроизводства вторым этапом правоприменения, в конституционном судопроизводстве приобретает иную роль и выступает как средство установления содержания проверяемых норм права, т.е. составной частью конституционно-судебного доказывания; с позиций доктрины судебного права толкование в конституционном судопроизводстве выступает в деятельности судов как фактоустановление в «обычных» видах судопроизводства. Отсюда, по мнению диссертанта, толкование норм права является как промежуточным, предшествующим коррекции норм права, этапом деятельности Суда, так и конечным результатом его деятельности по конкретному обращению. Анализируя массив решений Конституционного Суда 2008–2013 гг., диссертант отмечает, что Суд наиболее часто использует такие способы толкования отраслевого права, как буквальное, изъяснительное, системное, межотраслевое и телеологическое.

Толкование отраслевой нормы права как итог деятельности Конституционного Суда завершает «образ» нормативно-толковательной формы взаимосвя-

новлением Конституционного Суда от 28 мая 1999 г. № 9-П Пленум Верховного Суда принял постановление от 10 октября 2001 г. № 11; в связи с Постановлением Суда от 13 июля 2010 г. № 15-П — постановление от 28 сентября 2010 г. № 23. «В связи с необходимостью приведения [своих] некоторых постановлений ... в соответствии с действующим законодательством и правовыми позициями Конституционного Суда» Пленум Верховного Суда принял постановление от 23 декабря 2010 г. № 31.

зи, а потому её *содержанием* является уяснение и разъяснение Судом содержания отраслевой нормы права, не изменяющие ее содержания или смысла. Такие выводы Конституционного Суда являются официальным казуальным изъяснительным толкованием отраслевых норм права. Определяя правовую природу нормативно-толковательных решений Конституционного Суда, соискатель отмечает, что данные решения являются актами толкования права; признание же их источниками права недопустимо, поскольку не оказывают изменяющего воздействия на отраслевые нормы права, а иное — признание и применение таких решений в качестве источников права — не давало бы правоприменителю ничего более, чем предусмотрел для него законодатель, а потому предоставление этим решениям свойств источника права невозможно.

По своей форме эти решения могут быть облечены в форму определений Суда об отказе в принятии жалобы гражданина (запроса суда) к рассмотрению, а также определений о прекращении производства по делу (ввиду устранения неопределенности в вопросе о конституционности нормы).

Толкование норм права перед их коррекцией может порождать *доктринальные правовые позиции Конституционного Суда*, т.е. общие идеи и концептуальные подходы, «генеральные линии», которые использует Суд в аргументации своих решений. Такие правовые позиции нельзя считать источником права, поскольку в силу своего абстрактного характера они не устанавливают формально определенного и конкретного правила поведения; в противном случае мы имеем дело с нормативной правовой позицией Конституционного Суда.

В параграфе 3.3 «Коррекция Конституционным Судом Российской Федерации уголовно-процессуальных норм: нормативно-корректирующая форма взаимосвязи» проанализирован другой результат влияния решений Конституционного Суда на нормы права, состоящий в коррекции Конституционным Судом уголовно-процессуальной нормы. Суд должен корректировать нормы права вследствие обнаружения в них конституционных дефектов. Между тем, используемые Конституционным Судом в практике проверки конституционности законодательства 1995–2013 гг. способы коррекции различны. Так, по подсчетам автора, в качестве способов устранения конституционных дефектов норм права в сфере уголовной юстиции Суд использовал:

1) признание отраслевой нормы неконституционной в постановлениях Суда, т.е. их автоматическая дисквалификация в соответствующей отрасли права (данном способом Суд воспользовался в 41 постановлении; в данном случае мы имеем *нормативно-дисквалифицирующее решение Суда*);

2) выявление конституционно-правового смысла отраслевой нормы в постановлении Суда (17 решений);

3) выявление конституционно-правового смысла отраслевой нормы в определении Суда об отказе в принятии обращения к рассмотрению (26 решений), а равно в определении о прекращении производства по делу (14 решений);

4) признание отраслевой нормы *de facto* неконституционной в определении об отказе в принятии обращения к рассмотрению (24 решения).

Анализируя эффективность данных способов коррекции норм права, диссертант приходит к выводу, что единственным способом коррекции Конституционным Судом отраслевых норм права должна быть их дисквалификация в постановлении о признании нормы неконституционной. Постановление Суда о признании нормы права неконституционной наилучшим образом обеспечивает удаление неконституционных положений из текста закона и поворот правоприменительной практики в конституционное русло; активному использованию только такого способа коррекции норм способствует письменное производство (статья 47¹ Закона о Конституционном Суде).

Использование иных способов устранения конституционных дефектов, по мнению автора, менее эффективно, поскольку, как показывают российская судебная практика по уголовным делам и обращения граждан в Суд, без изменения текста закона сохраняется большая вероятность продолжения применения нормы в неконституционном аспекте.

Определяя правовую природу *нормативно-корректирующих решений Суда*, диссертант соотносит их свойства с признаками уже известных науке и практике источников права (нормативный правовой акт, судебный прецедент, правовой обычай, договор) и иных правовых актов (правоприменительный, интерпретационный, преюдициальный и преюстициарный акты), выявляет их совпадающие свойства, но в результате отмечает, что признаки ни одного из таких актов полностью не раскрывают и не отражают природы решений нормативно-корректирующих решений Суда. По мнению автора, нормативно-корректирующие решения Суда представляют собой конгломерат таких свойств, как (1) корректирующее воздействие на проверяемую норму права и привнесение новации в отраслевое регулирование, (2) результат толкования и Конституции, и отраслевой нормы права, (3) доктринальность, (4) окончательность, (5) непосредственное действие, (6) обязательность для неопределенного круга лиц, (7) преюдициальность и (8) непреодолимость другими субъектами права.

Такой уникальный набор свойств свидетельствует о наличии в российской правовой системе самостоятельного нового источника права — *нормативных правовых позиций Конституционного Суда* (содержание источника права), закрепленных в нормативно-дисквалифицирующих решениях Суда (его форма; частный случай нормативно-корректирующих решений). В иерархии источников права нормативные правовые позиции Суда занимают «подконституционное» место, поскольку они производны от конституционного текста; эти решения следуют за Конституцией и Законами о поправках к ней, но находятся выше федеральных конституционных законов.

К числу нормативно-дисквалифицирующих решений Суда следует относить и постановления о признании неконституционным не вступившего в силу международного договора Российской Федерации, а равно его отдельных положений, поскольку Судом оценивается конституционность возможного уголовно-процессуального порядка и по этому вопросу делается отрицательный вывод, препятствующий его появлению в будущем.

Глава 4 «Проверка судебных решений по уголовным делам на основании решений Конституционного Суда Российской Федерации: уголовно-

ревизионные формы взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводства» посвящена изучению механизма действия решений Суда в судебной практике по уголовным делам.

В параграфе 4.1 **«Возобновление производства по уголовным делам лиц, обратившихся в Конституционный Суд Российской Федерации: уголовно-возобновительная форма взаимосвязи»** рассмотрены уголовно-процессуальные последствия коррекции Судом отраслевых норм для уголовных дел конкретных участников конституционного судопроизводства, которые состоят в возобновлении производства по данному уголовному делу ввиду новых обстоятельств.

Основанием взаимосвязи в данной форме выступает факт коррекции нормы права, являющийся для уголовного процесса новым обстоятельством. Обстоятельством, влекущим возобновление судопроизводства, часть 2 статьи 100 Закона о Конституционном Суде и пункт 1 части 4 статьи 413 УПК называют лишь выявление Судом неконституционности примененного в деле закона; таких решений Судом принято 39 в отношении 54 человек, в том числе 30 по вопросам уголовно-процессуального права, 8 — по вопросам уголовного права и 1 в сфере судостроительства. Практика же конституционного правосудия 2000–2010 гг. «порождала» право на пересмотр судебного решения также и при выявлении Судом конституционно-правового смысла проверяемых норм без признания их неконституционными, что происходило в постановлениях Суда (вынесено 9 решений, из них 6 в сфере уголовно-процессуального права и 3 — в сфере уголовного), а до 2010 г. — происходило и в его определениях (24 решения); всего в отношении 48 человек. Такую практику следует признать справедливой на момент ее формирования, однако в дальнейшем она должна складываться лишь на нормативно-дисквалифицирующих постановлениях Суда.

Последствие в данной форме взаимосвязи состоит в уголовно-процессуальной деятельности, направленной на восстановление конституционных прав и свобод, нарушенных неконституционными нормами. Диссертант отмечает недостаточность регламентации в УПК данной деятельности, что влечет на практике разнообразие способов пересмотра судебных решений по уголовным делам участников конституционного судопроизводства и в итоге снижение эффективности конституционного правосудия. Так, проведенное автором обобщение показало, что уголовные дела 200 заявителей на основании 38 постановлений и 24 определений Конституционного Суда, вынесенных в 1995–2013 гг., были пересмотрены Президиумом Верховного Суда лишь в 22 случаях (11 %, большей частью в 2009–2013 гг.); остальные же дела были пересмотрены в федеральных судах общей юрисдикции среднего звена в надзорном порядке (21 дела, 10,5 %) или, что уникально, в кассационном (2 дела); дела же 106 заявителей (53 %) до настоящего времени не пересмотрены.

Это побуждает выработать целостную концепцию возобновления производства по уголовному делу в связи с решениями Конституционного Суда, основанную на следующем. Принятие судебных решений, основанных на нормах, в которых были выявлены конституционные дефекты, нельзя признавать судебными ошибками, поскольку на момент своего принятия эти решения соот-

ветствовали закону; такие решения есть последствия ошибок законодателя, что, вопреки мнению В.А. Давыдова об ординарной природе возобновления производства по уголовному делу, только обуславливает экстраординарность и исключительность исследуемого уголовно-процессуального производства, в полной мере отвечающего принципу *res judicata*. Отсюда возобновление производства по делу в данном случае необходимо рассматривать как своеобразное *restitutio ad integrum* для уголовного дела, суть которого видится в том, что после принятия Конституционным Судом соответствующего постановления Президиум Верховного Суда, как высшая судебная инстанция по уголовным делам в России, обладающая исключительными полномочиями по отмене и (или) изменению судебных решений, в т.ч. собственных, должен оценить в судебном заседании значимость судебного решения (процессуального действия), принятого (совершенного) на основании закона с конституционным дефектом.

Поводом для возбуждения производства в Президиуме Верховного Суда должно считаться только решение Конституционного Суда, а не заявление заинтересованных лиц, чем «грешит» практика возобновления производства по уголовным делам участников конституционного судопроизводства; как видится, такой подход не нарушает принципа *nemo iudex sine actore*, а лишь обеспечивает эффективное восстановление в правах, поскольку интерес лица на возобновление производства по делу весьма очевиден. Отсюда внесение Председателем Верховного Суда представления в Президиум Верховного Суда в данном случае представляется излишним, поскольку оно не является ни «фильтром» необоснованных обращений, ни поводом для созыва заседания Президиума Верховного Суда. Однако само по себе производство ввиду новых обстоятельств должно начинаться с вынесения судьей Верховного Суда соответствующего постановления.

Сроки производства в Верховном Суде должны быть не более 2 месяцев с момента поступления копии решения Конституционного Суда. Верховным Судом перед заседанием его Президиума должны совершаться подготовительные действия, в т.ч. истребование уголовного дела из соответствующего суда, назначение даты, времени и места судебного заседания Президиума Верховного Суда, извещение о судебном заседании соответствующего участника конституционного судопроизводства, прокурора, а также иных участников уголовного процесса, чьи права, свободы или законные интересы затрагиваются судебным решением, основанным на законе с конституционным дефектом, и направление им имеющихся материалов по данному вопросу. Порядок заседания Президиума Верховного Суда может быть аналогичным порядку заседания суда надзорной инстанции. Процессуальными решениями Президиума Верховного Суда должны быть постановление о возобновлении производства по делу; принятие иного решения — об отказе в этом, — как видится, невозможно.

После возобновления производства по делу Президиум Верховного Суда должен решить вопрос о судьбе судебных решений, не соответствующих правовым позициям Суда. Решение этого вопроса должно происходить на основе разработанного автором критерия корректировки судебных решений, общего для всех уголовно-реvisionsных форм взаимосвязи. Согласно данному крите-

рию, суд должен определить, повлияло ли проверяемое им судебное решение или действие в конечном итоге на результаты процесса и на возможность реализации участниками судопроизводства своих конституционных прав и свобод. Отмена состоявшихся судебных решений и, если это необходимо, повторение процессуальных действий должны быть обязательными в каждом случае выявления конституционного дефекта в норме уголовного права, а в аналогичных случаях с нормой уголовно-процессуального права — лишь тогда, когда нарушение конституционных прав и свобод ставит под сомнение результат процесса и у суда нет оснований полагать, что при «нормальном» первом ходе процесса результат был бы таким же. В остальных случаях, когда нарушение конституционных прав не влияет на исход уголовного дела, судебные решения должны сохранять свою силу, однако в случае причинения таким решением или действием вреда должен действовать механизм денежных компенсаций за нарушение конституционных прав граждан в уголовном процессе, который следует построить на базе статьи 1070 ГК. Кроме того, Президиум Верховного Суда после отмены или изменения судебных решений может принять решение, отвечающее обстоятельствам уголовного дела на момент судебного заседания (например, прекратить производство по уголовному делу в связи со смертью осужденного, применить сроки давности и др.).

В параграфе 4.2 «Проверка на соответствие правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации судебных решений по уголовным делам лиц, не являвшихся участниками конституционного судопроизводства: ординарная и экстраординарная уголовно-реvisionsные формы взаимосвязи» автор обращается к вопросу значения решений Конституционного Суда для лиц, не являвшихся заявителями в конституционном судопроизводстве, но в чьих уголовных делах применен закон в истолковании, расходящемся с нормативно-корректирующими или нормативно-толковательными решениями Суда.

Основанием данных форм являются юридические свойства решений Конституционного Суда как источников права или как актов толкования права.

Последствия (содержание) данных форм составляет уголовно-процессуальная деятельность по пересмотру судебных решений, различающаяся сочетанием моментов появления правовой позиции Конституционного Суда и принятия проверяемого судебного решения. Отсюда взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств в данном случае может происходить в двух уголовно-реvisionsных формах: ординарной, состоящей в проверке правосудности судебных решений, принятых *после* появления правовой позиции Суда, и экстраординарной, предполагающей проверку судебных решений, принятых *до* появления правовой позиции Суда.

Ординарная форма взаимосвязи *de facto* предполагает исправление судами апелляционной, кассационной или надзорной инстанций «обычных» судебных ошибок, состоящих в неверном применении судом норм права, скорректированных или истолкованных Судом, в силу чего в статьи 389¹⁵, 389¹⁷ и 389¹⁸ УПК следует внести соответствующие дополнения. *Сроки* пересмотра судеб-

ных решений в данном случае подчинены общим срокам пересмотра судебных решений в соответствующих производствах.

Экстраординарная форма носит более сложный характер, т.к. расходящиеся с правовыми позициями Конституционного Суда судебные решения по уголовным делам, принятые до появления этих правовых позиций, не могут рассматриваться как судебные ошибки. Данная форма отчасти существует ныне и предполагает корректировку судебных решений в их уголовно-правовой части: скорректированная Судом уголовно-правовая норма, улучшающая положение осужденных, имеет обратную силу (статья 54, часть 2, Конституции), а потому основанные на ней судебные решения подлежат приведению в соответствие с ее новой «редакцией».

В уголовно-процессуальной части данная форма требует научной разработки, поскольку уголовно-процессуальные нормы по общему правилу не имеют обратной силы. Отсутствие же возможности проверить не исполненное или исполненное частично судебное решение на соответствие правовой позиции Конституционного Суда, а при несоответствии — исправить его, по мнению диссертанта, необоснованно ставит в неравное положение лиц, в чьих делах был применен один и тот же закон в том же неконституционном аспекте, на основании лишь времени применения нормы. Факт обращения или необращения в Конституционный Суд, а также разница во времени применения нормы не могут служить основанием для такой дискриминации.

Эти обстоятельства создают предпосылки для реализации в России модели конституционного контроля *ex tunc* в полной мере; ограничение на распространение позиции Суда в деле заявителя должно быть возможным лишь на основе специальной оговорки Конституционного Суда в нормативно-корректирующем решении, обусловленной тем, что пересмотр уголовно-процессуального решения приведет к более худшим последствиям, нежели применение нормы в неконституционном аспекте. Пересмотр решений в данном случае будет не реализацией обратной силы уголовно-процессуальных норм, а восстановлением прав участников судопроизводства, объективно нарушенных нормами права.

Опираясь на статью 79 Закона о Конституционном Суде, диссертант определяет *сроки*, в течение которых возможен такой пересмотр: обвинительные приговоры могут быть проверены в пределах срока снятия или погашения судимости, а оправдательные приговоры и постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) — в пределах срока давности уголовного преследования.

Автор определяет процессуальные производства, в которых возможен такой пересмотр, и к таковым относит лишь возобновление производства ввиду новых обстоятельств на основании пункта 3 части четвертой статьи 413 УПК. Надзорное же производство, по мнению автора, здесь непригодно, поскольку предназначено для исправления судебных ошибок, а не ошибок законодателя; обратное бы стерло границу между способами пересмотра судебных решений. Между тем, общий порядок возобновления производства здесь окажется неэффективным, поскольку объем дел, в которых возможна корректировка решений, весьма велик, а необходимость в расследовании новых обстоятельств, скорее

всего, отсутствует: они очевидны и могут быть отражены в обращении к соответствующему органу или должностному лицу. Отсюда имеются предпосылки для закрепления в УПК упрощенного порядка возобновления в данном случае производства по делу, построенного на непосредственном обращении заинтересованных лиц в суд с заявлением о пересмотре соответствующих решений; однако требует обсуждения вопрос о том, суд какой инстанции (первой, кассационной или надзорной) будет осуществлять такой пересмотр, который может быть разрешен с позиций процессуальной целесообразности.

В заключении отражены полученные основные итоговые теоретические выводы, а также предложения по совершенствованию законодательства.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в ведущих научных рецензируемых изданиях, рекомендованных Президиумом Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

1. *Соколов Т.В.* К вопросу о сущности уголовного процесса в контексте доктрины судебного права // Российский судья. — 2013. — № 6. — С. 22–25 (0,5 п.л.).

2. *Соколов Т.В.* Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства: современное состояние // Право и политика. — 2013. — № 10. — С. 1350–1372 (1,5 п.л.).

3. *Соколов Т.В.* Решения и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: сущность, виды и соотношение // Право и политика. — 2013. — № 12. — С. 1707–1719 (1,0 п.л.).

4. *Соколов Т.В.* Возобновление производства по уголовным делам лиц, обращавшихся в Конституционный Суд Российской Федерации: реальность и перспективы совершенствования уголовно-процессуальной формы // Социология и право. — 2014. — № 1. — С. 82–92 (1,25 п.л.).

5. *Соколов Т.В.* К телеологии российского конституционного правосудия // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). — 2014. — № 1, т. 1. — С. 455–462 (0,5 п.л.).

6. *Соколов Т.В.* Сущность конституционного судопроизводства в контексте доктрины судебного права // Политика и Общество. — 2014. — № 2. — С. 206–219 (1,23 п.л.).

7. *Соколов Т.В.* Конституционное судопроизводство — механизм реализации судебной власти?! // Право и политика. — 2014. — № 3. — С. 313–325 (1,0 п.л.).

8. *Соколов Т.В.* Приостановление производства по уголовному делу в связи с обращениями его участников в Конституционный Суд Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 3. — С. 463–468 (0,5 п.л.).

9. *Соколов Т.В.* Идея судебного права в советской юридической науке // Российская юстиция. — 2014. — № 4. — С. 37–39 (0,5 п.л.).

Публикации в иных изданиях

10. *Соколов Т.В.* Уголовно-процессуальные аспекты реставрации доктрины судебного права // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. ст. — Ч. 44 / Под ред. С.А. Елисеева, М.К. Свиридова и Р.Л. Ахмедшина. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — С. 153–155 (0,2 п.л.).

11. *Соколов Т.В.* Соотношение «материального» и «процессуального» в свете доктрины судебного права // Материалы XLVI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс», 11–15 апреля 2009 г.: Государство и право. — Новосибирск: СибАГС, 2009. — С. 45 (0,1 п.л.).

12. *Соколов Т.В.* Сущность и возникновение уголовно-процессуальных правоотношений в свете доктрины судебного права // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев. — М.: Изд-во МГУ, 2009. — URL: www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/30_14.pdf (0,3 п.л.).

13. *Соколов Т.В.* Сущность судопроизводства в свете доктрины судебного права // Материалы XLVIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс», 10–14 апреля 2010 г.: Государство и право. — Новосибирск: СибАГС, 2010. — С. 160–161 (0,1 п.л.).

14. *Соколов Т.В.* Обращение суда общей юрисдикции с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации как форма связи уголовного и конституционного судопроизводства // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. ст. — Ч. 51 / Под ред. М.К. Свиридова, Ю.К. Якимовича; ред. О.И. Андреева, И.В. Чаднова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — С. 165–170 (0,3 п.л.).

15. *Соколов Т.В.* К вопросу об уголовно-процессуальном значении части 1 статьи 93 Конституции Российской Федерации // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2011» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. — М.: МАКС Пресс, 2011. — URL: www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1374/7985_c4d0.pdf (0,2 п.л.).

16. *Соколов Т.В.* Уголовно-процессуальное значение части 3 статьи 128 Конституции Российской Федерации: УПК РФ 2001 года неконституционен полностью?! // Материалы XLIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс», 16–20 апреля 2011 г. Государство и право. — Новосибирск: СибАГС, 2011. — С. 173–174 (0,1 п.л.).

17. *Соколов Т.В.* Сущность уголовного процесса в контексте доктрины судебного права // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» (МГЮА имени О. Е. Кутафина, 27–29 ноября 2012 г.). — М.: Элит, 2012. — С. 230–235 (0,5 п.л.).

18. *Соколов Т.В.* Судебное право: современная парадигма развития // Современные проблемы судебного права / Отв. ред. А.П. Гуськова. — Оренбург: ООО ИПК «Университет»; РИО Оренбургского института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина, 2012. — С. 186–192 (0,3 п.л.).

19. *Соколов Т.В.* Решения и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: новая классификация для правоприменительной практики // Актуальные проблемы публичного права: Сб. ст. Вып. 11 / Отв. ред. М.В. Гончаров. — Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2013. — С. 119–121 (0,4 п.л.).

20. *Соколов Т.В.* Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств. Современные формы и перспективы развития (научный доклад) // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств. Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции: 22 марта 2013 г. / Сост. К.Б. Калиновский, Т.В. Соколов. — СПб.: Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2013. — С. 9–44 (2 п.л.).

Публикации в зарубежных научных изданиях

21. *Соколов Т.В.* Конституционный Суд и вопросы уголовной юстиции // Юридические записки (Одесса, Украина). — 2013. — № 2. — С. 112–118. — URL: www.juridical-essays.org/files/archive/Juridical_Essays-2013-2.pdf (0,5 п.л.).

22. *Соколов Т.В.* Процесс vs процедура: синонимичные понятия или различные правовые явления? (теоретические аспекты) // Юридические записки (Одесса, Украина). — 2014. — № 2. — С. 27–37. — URL: www.juridical-essays.org/files/archive/Juridical_Essays-2014-2.pdf (1,0 п.л.).

**Объем публикаций автора по теме диссертации
составляет 13,73 п.л.**